

ЯНА ЯСНАЯ

ДРАКОН:
СПАСТИ И СОБЛАЗНИТЬ!

Москва
2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Я82

Иллюстрация на переплете
Ирины Косулиной

Ясная, Яна.

Я82 Дракон: спасти и соблазнить! / Яна Ясная. —
Москва : Эксмо, 2021. — 288 с.

ISBN 978-5-04-118436-0

Бронзовый дракон Эйнар — это не только ректор, обаятельный мужчина и сильный маг, но и пара тонн ценнейших ингредиентов.

К сожалению, не все способны оценить ненавязчивое драконье обаяние — и Тересе Ривад, последнему отпрыску древнего рода, придется взять спасение популяции драконов в свои нежные темномагические руки.

Во благо магической науки и собственной безопасности ради!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-118436-0

© Ясная Я., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

Пролог

Род Ривад пресекался.

Стоя над телом старой Альбы, я прощалась со своим родом. Пока она была жива — был шанс все исправить. Сильная, хитрая, с опытом долгой непростой жизни, бабка бы обязательно что-нибудь придумала — если бы осталась в живых. Но старое сердце не выдержало вестей о гибели двух последних внуков, последних отпрысков Ривад мужского пола, и старая Альба — Альба Грозная, Альба Яростная — нынче легла в каменный гроб в родовом склепе.

Темный магический род Ривад вымирал уже давно — лет двадцать смерти шли за нами по пятам. Мы скрывали это — уж что-что, а скрывать смерть мы умели! Мы вообще умели скрыть что угодно, и в реестре Темных родов древней империи — еще той, павшей — род Ривад имел имя «Молчашие». И только глупцы не могли бы понять, что на самом деле это означало «Хранящие Тайны».

Члены рода умирали, гибли один за другим — и над могильной плитой каждого из них, не оставивших потомства, почивших до времени, старая Альба зажигала фонарик. Фиолетовое стекло пузыря размером с детский кулачок, черный фитиль и оплетка из чар, выглядевших черненым сере-

бром. Могильные фонарики, загоревшиеся над покойным в нужный срок, скрывали очередную смерть — и защищали оставшихся в живых от излишне алчных охотников за наживой. За родовым наследием. За силой. За знаниями, артефактами, за презренным желтым металлом...

За всем тем, что теперь стало моим приданым.

Мы всегда считались нелюдимыми отшельниками, мрачные некроманты, «не до богов, не до людей».

Наши старшие извелись, проверяя весь род и отдельные потери на проклятия, на злой умысел, на дурной глаз — и ничего не нашли, будто просто-напросто темные боги отвернулись от рода.

Последние три года стали самыми страшными. Ушли последние родичи — от разных, непредсказуемых, не связанных друг с другом причин. Матушка моя, Каталина Светлая, и самый младший из братьев, Аарон, погибли от серой гнили, привезенной из города. Ирония судьбы: сильная магичка, умелая целительница, Каталина Ривад, выбравшаяся по случаю на ярмарку, остановила магическую заразу, насланную безумцем на беззащитных горожан, а себя и пятилетнего сына спасти не смогла. Они сгорели за неделю, и старая Альба зажгла в родовом склепе сразу два фиолетовых огонька — над младшим внуком и старшей невесткой...

А вчера погасли свечи, которые горели с той поры, когда старшие братья, Кеит Легконогий и Белтрэн Крылатый, покинули родной дом и отправились за дальние земли, за синие моря.

С этими свечами угасла и старая Альба. Теперь от рода Ривад осталась одна я. И сейчас, стоя над

телом своей бабушки и над пустыми пока гробницами старших братьев, я думала о том, что я жива — но род мертв.

Из женской ветви род не поднять.

Я собралась. Отогнала мысли, роем гудящие вокруг меня — темные, жалящие мысли, — и потянулась к родовой силе.

Склеп рода Ривад, в незапамятные времена устроенный в подземельях под пришедшим в запустенье замком, слышал этот шепот сотни и сотни раз. И, как и раньше, от шепота колыхнулись язычки свечей, дрогнуло пламя в ритуальных жаровнях, затрещал и вытянулся вверх дымными нитями огонь факелов, запах тлена и горящего масла вдруг сделался острым, а в углах и у основания колонн-подпорок сгустились тени. Сгустились, потянулись ко мне когтистыми тварями, свирепыми безглазыми мордами — и отделились от тьмы, породившей их. Легли, вскидывая острые морды, поводя короткими ушами, ожидая слова моего. Моей воли.

Сторожа мою слабость — и не спеша никуда, зная, что я и так их законная добыча.

Приказ вырвался с выдохом, завихрениями воздуха в затхлом спокойствии склепа, встревожил складки длинного ритуального балахона.

«Найти. Вернуть».

Теневые гончие, похожие на собак так же, как упырь походит на комара, неутомимые, верные, жуткие слуги темных магов, услышали слово и подчинились воле. Они вернут тела моих братьев домой, где бы те ни находились, как бы ни были сокрыты.

Для погребального обряда достанет и небольшой кости, фаланги или плюсны — но гончие упорны и верны. Они возвратят домой столько, сколько смогут...

Из склепа я вышла только через двое суток, сотворив все задуманное. В конце концов, я уходила из дома надолго. И если родовые земли были как следует защищены многовековыми чарами, которым достаточно и того, что я жива — жива и не отказалась от наследия, — то о прочих семейных сокровищах следовало позаботиться. Чтобы не пришлось возвращаться к разграбленной сокровищнице — если, конечно, придется возвращаться...

Дорога моя лежала из родных земель в далекий приморский город Тилбери, где стояла на утесе над морем Академия семи ветров. Сумку, перекинутую через плечо, оттягивала увесистая ноша — что не дозволено мародерам, на то имеет право прямая наследница и законная глава рода, пусть пока и не вступившая из соображений конспирации в оные законные права...

Глава 1

Я сидела на крыше уже второй час. Передо мной — море, синева, испещренная солнечными бликами. Ветер доносил крики чаек и шум волн, разбивающихся о скалы. За моей спиной — вид на Тилбери, красные черепичные крыши, плавно переходящие в соломенные на окраинах, струйки дыма и, к счастью, не долетающий досюда невыводимый запах рыбы. Надо мной — бесконечно прозрачное небо.

Солнце на мгновение потухло, но тут же зажглось снова, а пролетевший над головой черный дракон сделал круг над башнями и, громко хлопая крыльями, опустился на одну из них. Спустя мгновение его фигура замерцала и стремительно уменьшилась, принимая человеческую форму. Преподаватель повел плечами, будто вспоминал, как работает это тело, и направился к лестнице, ведущей вниз, в замок.

Академию семи ветров не зря называли Академией Крылатых. Здесь правили бал драконы. Именно они основали здесь школу тысячу лет назад. Вокруг потом вырос портовый городок, а сама школа превратилась в академию. Именно они преподавали здесь, передавая юным человеческим магам свои многовековые знания и умения. И отчасти потому

мой выбор пал именно на это учебное заведение. Мне не было дела до драконьих знаний. Точно так же, как драконам не было дела до мелких человеческих дрызг. Впрочем, их и крупные интересовали исключительно с точки зрения «а можно ли тут поживиться или хотя бы повеселиться».

И вот теперь я сидела на крыше основного здания академии, презрев смотровые площадки всех семи башен, на которых вечно кто-нибудь торчал, и в гордом одиночестве наслаждалась неумолимо надвигавшимся закатом и одним из семи ветров, которые дали название академии. Ветров, конечно, гораздо больше, «семь» — это просто метафора. И магический символ. Сейчас, к примеру, за темные косы меня трепал бриз. Я улыбнулась, заправляя за уши выбившиеся из плетения пряди, и подставила лицо еще пока ярким солнечным лучам.

В целом решение прийти сюда было правильным. Я рада, что додумалась до этого. Рада, что успела добраться до Тилбери до того, как закончился отбор адептов для первого витка обучения. Рада, что прошла его: да, могла и не пройти. Теперь смешно, а когда приемная комиссия попросила меня доказать, достойна ли я права обучаться в сих стенах, я опешила.

Это я-то не достойна? Да я!.. Да мне!.. И чуть не провалилась: пытаюсь не открыть излишне много — показала слишком мало. Но все же прошла отбор и прочно обосновалась за бурыми каменными стенами, изъеденными солеными морскими ветрами.

Люди, обитающие здесь, первое время на меня косились. Я — черноволосая, темноглазая и сму-

глая — была им непривычна. Мне же непривычно было пестроцветье одежды, терзало отсутствие родного и такого удобного темного балахона. Раздражали слишком свободные юбки и излишне узкие корсажи поверх блузок. Раздражал вынужденный отказ от повседневных чар и необходимость скрывать, прятать свою магию...

И даже самой себе с большим трудом я призналась, что, обводя взглядом скопление людей и натываясь на сплошь светлые макушки разных оттенков с редким вкраплением рыжих вихров, я, забывшись, испытывала острый укол недоумения.

Но ничего, притерпелись и свыклись. Местные — с моей мрачной физиономией, я — с их численным преимуществом.

Нельзя сказать, чтобы меня здесь обижали. Правда, после третьей ночи из моей комнаты сбежала соседка — но так я разве обиделась? Вовсе нет, вздохнула с облегчением и заняла обе кровати, сдвинув их вместе.

Отдельной приятной неожиданностью стали термы. Их устроили в подвальных залах замка драконы, большие любители погреться, еще когда обустроивали академию. Термальные источники магией вывели на вершину горы, создали каскад бассейнов разных размеров и температур — от почти кипящих до еле теплых, от приятно прохладных до почти ледяных, — разделили залы, обустроили купальни...

Нет, в академии было не так уж плохо!

Если бы не тоскливые занятия — было бы совсем хорошо.

А так...

Про темную магию мне судить трудно — я пользуюсь ею, как дышу, но моя мать, Каталина Ривад, урожденная Солер, вышла из светлого рода. Она обучала детей кое-каким трюкам, понимающе улыбаясь, когда светлая магия им категорически не давалась, — и я искренне считала, что усвоила до изумления мало. Но по сравнению с тем, чему меня учили — пытались учить! — в академии, это оказалась прорва знаний. Бездна просто.

Я была готова, что меня ткнут носом в полную несостоятельность по части Света, а они... Они учили меня общей магии!

Общей!

Взрослых людей!

Как младенцев!

От изумления, разочарования и протеста я на первом же занятии расколотила чашку, в которой следовало подогреть воду. И вторую.

Выдавая мне третью и наливая в нее воду, наставник-дракон с волосами, отливающими прозеленью, выговорил мне, что в Академию семи ветров принимают более-менее обученных студентов и меня взяли только из-за высокого потенциала Тьмы. Но долго только на нем я выезжать не смогу и, если не хочу быть отчисленной, должна наверстать чудовищное отставание.

С трудом расцепив зубы, сведенные от абсурдности ситуации, я пообещала, что наверстаю. Все непременно. Вот как начну — и пока не закончу, не встану.

И даже сказала это вежливыми словами.

А на задворках сознания в это время мерзко хохотали дребезжащим старческим голосом.

Пр-р-редки!

Потом я приуровилась, и подобные казусы стали приключаться реже. В первые ученицы я не выбилась, но преподаватели хвалили меня за усердие и прилежание.

Тяжелее всего на уроках было не зевать. Но, сдастся мне, еще пара месяцев — и я научусь дремать с открытыми глазами и выполнять нехитрые задачи учеников первого года не просыпаясь.

Я вздохнула и оторвала юбку от насиженного места. Если практические самостоятельные занятия меня миновали, то теоретические работы никто не отменял, и нужно было подготовить на завтра доклад о видах стихийной магии и областях ее применения...

Основное здание было главным образом отведено под учебные аудитории, так что его коридоры сейчас пустовали. Мне встретился только ректор с одним из пока незнакомых мне преподавателей. Я прошмыгнула мимо них серой мышкой, услышав лишь невнятные обрывки разговора, а потом за спиной раздались торопливые шаги, и дракон обогнал меня, не обратив внимания на короткий вежливый поклон в спину. Ректор направлялся к Красной башне, которую чаще всего драконы использовали в качестве взлетной площадки.

Ректора в академии любили, кажется, все. Он был спокоен, мудр, справедлив, а еще, поговаривали, любопытен как мальчишка. И именно это — мальчишеская искра и любовь к жизни — притягивало к нему взгляды, а вовсе не бронзовая шевелюра или высокая, широкоплечая фигура. Впрочем, неугасаемый авантюризм и жажда

новых впечатлений — неискоренимая черта всех драконов.

Старая Альба терпеть их не могла. По ее мнению, это племя гораздо было что рушить тщательно выстроенные планы, что девиц портить. Девицы портились охотно и порой без усилий со стороны крылатых — за спокойную грозную силу, за щедрость, за тот самый мальчишеский блеск в глазах.

Я вздохнула. Наверняка навстречу приключениям дракон и спешил, а я... а меня ждал скучнейший доклад.

* * *

Закончила я его далеко за полночь, но спать не хотелось, и, поразмыслив, я решила вознаградить себя походом в термы. Особенно прекрасным тем, что в такое время там почти точно нет ни души. Понезжиться в горячей водичке перед сном — то, что надо.

В подвалах было пусто. Теплый, тропически влажный воздух оседал на коже невесомой водяной пылью, пахло сыростью и нагретыми камнями. Короткое заклинание-импульс сообщило, что здесь и правда в этот час никого нет. Я поудобнее перехватила полотенце и двинулась к дальним дверцам, из-за которых слабо тянуло магией источника. Привычно, как щеколду, откинула замок-заклинание, испытала легкую ностальгию — мы таким двери дома запирали от сквозняка. Вошла внутрь, повесила полотенце на крючок и уже потянулась к шнуровке, как внутри кольнуло странное ощущение — что-то не так. Мазнув взглядом по купальне, я с изумлени-

ем уставилась на наполовину вывалившееся из нее безвольное тело, лежащее на бортике лицом вниз.

Но... я же проверяла! Здесь не было ни живых, ни, упасите темные боги, мертвых!

Стрелой метнувшись к телу, я опустилась рядом на колени, с трудом перевернула его и с изумлением уставилась на лицо ректора. Из-под полуприкрытых глаз тускло мерцала золотая радужка, но в ответ на прикосновение он даже не шелохнулся. Руки сами собой полезли щупать пульс, в то время как губы шептали заклинание диагностики.

Пульс, хоть и слабый, нашелся, а вот заклинание вернулось с неутешительными вестями. Сильнейшее магическое истощение и продолжающаяся потеря сил. Магический источник под купальной щедро вливал их в тело дракона, и только благодаря этому он был еще жив. Но жирный черный паук проклятия, оплетшего ректорскую грудь, выкачивал энергию быстрее, чем она прибывала, и дракон... умирал. Медленнее, чем мог бы, но неотвратимо.

Драконы из-за своих способностей к гигантской трансформации куда менее зависимы от телесной оболочки. Они — магия. Маг с истощением будет испытывать дискомфорт, но его жизни это угрожать не будет, а вот дракон...

Эти мысли метались в черепной коробке, легкая паника смешивалась с обрывками теоретических знаний, порождая понимание того, что надо что-то делать и делать быстро!

Неудивительно, что мое заклинание не обнаружило ректора, он сейчас и был ни жив, ни мертв, зависнув на тонкой грани между...